Н. В. УСПЕНСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Однажды Некрасов, весь обложенный журналами и газетами, лежал в цветном халате и туфлях на низеньком широком диване и просматривал какие-то корректурные листы, а я сидел за круглым столиком и читал помещенное в „Свистке“ стихотворение Добролюбова…»

- Николай Васильевич Успенский
  - ○

Николай Васильевич Успенский
И. С. Тургенев

Однажды Некрасов, весь обложенный журналами и газетами, лежал в цветном халате и туфлях на низеньком широком диване и просматривал какие-то корректурные листы, а я сидел за круглым столиком и читал помещенное в «Свистке» стихотворение Добролюбова:

У ворот двора сквозного Бедный Ванька плачет…

– А я забыл вам сказать, Успенский, – прервал молчание Николай Алексеевич, – с вами желает познакомиться Тургенев… Он приехал из Парижа третьего дня… Если хотите, отправляйтесь к нему сейчас же… попадете как раз к обеду. Он остановился в гостинице «Демут» в Большой Конюшенной, рядом со знаменитой булочной Вебера… Там, вы увидите, около самого подъезда гостиницы висит исполинских размеров вызолоченный крендель…

Я немедленно нанял извозчика и отправился в Большую Конюшенную, стараясь запомнить существенный признак временного жилища Тургенева – вызолоченный крендель.

– Как об вас прикажете доложить? – вежливо и почти робко спросил меня Захар, белокурый и симпатичный лакей Ивана Сергеевича, служащий ему около тридцати лет.

Я сказал свою фамилию.

– Проси, – услыхал я мягкий голос знаменитого литературного корифея, тяжелые шаги которого раздавались в соседней комнате.

Вошедши в зал, я увидал необычайно величественную и богатырскую фигуру нашего неподражаемого беллетриста, который внезапно заключил в свои мощные длани мою руку. Хотя я и не был из числа малорослых, но должен был, подняв голову вверх, смотреть на приветливое и в высшей степени привлекательное лицо Ивана Сергеевича, причем меня немало поразил его тихий голосок, который вовсе не шел к его исполинскому организму.

– Мне очень хотелось с вами познакомиться, – начал Тургенев, опускаясь в кресло, – хотя заочно я знаю вас давно, по вашим рассказам, которыми всегда запасаюсь на дорогу, чтобы не скучать… Мы с вами, кажется, земляки?

– Я уроженец Тульской губернии, Ефремовского уезда.

– В Ефремовском уезде, близ села Каднова, у меня есть именье, где я, впрочем, почти никогда не бываю… Я люблю свою родину – село Спасское, на границе Чернского и Мценского уездов. У вас, я слышал, есть кто-то из родных в Чернском уезде?

– Мой дедушка, сельский дьякон…

– Представьте, ведь я его знаю… такой маленький, лысенький старичок… Раз как-то по пути из села Тургенева, где живет мой брат Николай, я со своим охотником Афанасием зашел к вашему дедушке, и он мне много интересного сообщил об одном однодворце, которого я в своем рассказе назвал Овсянниковым. Однако соловья баснями не кормят… Не хотите ли со мной обедать?

– С удовольствием.

Захар принялся готовить нам трапезу, украшая ее бутылками с вином и хрустальными вазами с фруктами.

– Вы, пожалуй, года уж три работаете у Некрасова, – наливая мне тарелку супа, заметил Тургенев.

– Да.

– А хорошо он вам платит?

– Не знаю, сколько он назначит за лист… Мы с ним не считались…

– Будьте осторожны!.. Это человек, которому, как говорится, пальца в рот не клади… Однажды он какую штуку со мной сделал? Проездом через Париж я встретил его на rue de Rivoli и спрашиваю: «Вы из Парижа куда думаете? В Питер?» – «Нет, заверну в Лондон». – «А скоро туда отправитесь?» – «Да хотел было завтра…» – «Ну вот и прекрасно! Пожалуйста, передайте моему приятелю… восемнадцать тысяч франков… а мне необходимо на днях быть во Флоренции…» Некрасов взял деньги, и мы расстались. Недели через две я приезжаю в Лондон и спрашиваю приятеля: «Получил деньги?» – «Какие?» – «От Некрасова». – «Никакого Некрасова и никаких денег я и в глаза не видал…» А этот скорбный поэт «мести и печали», как оказалось, вместо Лондона-то укатил в Петербург, где и пустил мои денежки в оборот…

– Это ужасно! – воскликнул я. – Неужели это правда? Тургенев только добродушно усмехался и счел за лишнее отвечать на мой вопрос.

– И вот теперь Некрасов чуть не со слезами просит у меня прощения, что так коварно поступил со мной…

– Но деньги, разумеется, возвратил вам?

– Незначительную часть…

– Почему же не все?

– Ну, уж, видно, такова натура русского дельца… Теперь я

ему ни одной строки своей не дам…

После обеда Иван Сергеевич прилег на диван в кабинете, где ярко пылал камин; подкладывая себе под голову подушку, он сказал:

– Ну, Успенский, расскажите что-нибудь…

– Иван Сергеевич, – начал я, согретый обедом, вином, камином и радушием великого поэта, – отчего вы все пишете про любовь?

– А что же, что же, – вдруг, приподнимаясь с дивана, возразил Тургенев, – что же, скажите мне, интереснее любви?..

– Но почему вы оставили свои бессмертные «Записки охотника», которые вас так прославили…

– Не могу, не могу! – возразил Иван Сергеевич. – Не удовлетворяют меня более эти рассказы… вот в чем дело… А вы лучше мне скажите, где это вы списали такую чудесную картину «Ночь под Светлый день»?

– Мой отец, – объяснил я, – был сельский священник, и к нему все прихожане в ожидании заутрени под Светлый день сходились со всех деревень… В зале обыкновенно помещались мелкопоместные дворяне, приказчики, дворники, в средней комнате – лакеи, сапожники, зажиточные крестьяне, а кухню заполняли мужики, разряженные парни, бабы и девки…

– У вас один недостаток, – подхватил Тургенев, – вы пишете очень мало… Где вы больше работаете? В Питере или в деревне?

– Где придется…

– Разве у вас нет никакой оседлости, любимого уголка, где бы вам весело и легко работалось?

– Нет…

– Это очень жаль… Вам бы следовало обзавестись недвижимой собственностью… Хотите, я продам вам в своем Спасском десятин двадцать-тридцать?.. Вы себе выстроите домик и будете писать…

– Все это прекрасно, но у меня нет денег на покупку земли…

– Вздор! Мы с вами как-нибудь сочтемся…

Иван Сергеевич встал с дивана и начал размешивать в камине угли…